

Прочитавъ въ № 183 Русскихъ Вѣдомостей „Заявленіе объ арестѣ Гусева“, написанное Л. Н. Толстымъ 6 августа сего 1909 года, я обратился къ нему съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Простите, Левъ Николаевичъ, что опять пишу вамъ; мнѣ жалко Н. Н. Гусева, поэтому я и рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ. Я прочелъ ваше сообщеніе объ арестѣ Н-лая Н-евича и мнѣ стало непонятно, какъ вы можете оставаться послѣ этого въ Ясной Полянѣ, а не ѣхать за Н-мъ Н-чемъ въ Чердынскій уѣздъ, чтобы поселиться тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Если бы васъ насильно отправили туда, вы-бы поѣхали,—почему же вы не хотите сдѣлать этого, *не принуждая никого къ насилію надъ вами*... И неужели нужно именно физическое насиліе и вы не чувствуете, не сознаете, что нравственный долгъ заставляетъ васъ ѣхать за Н. Н. Гусевымъ. Какое-бы великое благо вы сдѣлали, отправившись туда, куда ссылають Николая Николаевича, и поселившись тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Какая бы это радость была для него, для Николая Николаевича;—зло, которое могло быть причинено ему этою ссылкой, обратилось-бы въ величайшее благо,—онъ не могъ-бы не считать эту ссылку именно величайшимъ благомъ, потому что не увидѣлъ-бы только, а почувствовалъ-бы всѣмъ существомъ своимъ, какъ вы его любите. Вы пишете въ своемъ сообщеніи, будто Н. Н. Гусевъ, узнавъ, что черезъ полчаса его отвезутъ въ Крапивенскую тюрьму, а затѣмъ сошлютъ въ Чердынскій уѣздъ,—былъ *радостенъ*. Но чему-же онъ радовался? Неужели тому, что есть люди, которые,—какъ по всей вѣроятности Гусевъ думалъ,—не останавливаются предъ тѣмъ, что-бы причинить страданіе такому человѣку, какъ онъ, который,—въ чемъ Гусевъ убѣжденъ, конечно,—не сдѣлалъ никакого зла. Неужели радость Гусева была сознаниемъ своей доброты и злобы другихъ, только по злобѣ жевающихъ причинить ему страданія... Неужели это была та-же радость, или *торжество*, о которомъ вы пишете въ вашемъ—„*Царство Божіе внутри васъ*“ „Если-бы такъ поступилъ (т. е. не противился злу) одинъ человѣкъ, а всѣ остальные согласились-бы распять его, то не болѣе-ли славно ему умереть въ торжествѣ непротивляющейся любви“.—*Торжествовать*, видя всеобщую къ себѣ ненависть, считать своею словою то, что всѣ, кромѣ меня одного, сдѣлались злодѣями!! И это вы называете любовью! Извѣстный намъ Распятый Господь нашъ Иисусъ Христосъ не торжествовалъ, а плакалъ, видя озлобленныхъ противъ себя людей, озлобленныхъ, конечно, по невѣдѣнію, хотя тутъ были далеко не всѣ еще люди, Да и могъ-ли бы торжествовать Распятый, если-бы въ числѣ людей былъ хотя одинъ, котораго онъ любилъ?—Радость Н. Н. Гусева была-бы понятна въ томъ лишь случаѣ, если-бы онъ узналъ, что вы добровольно хотите раздѣлить съ нимъ ссылку.

совершенно невѣрнымъ. По всей вѣроятности и эта статья такъ-же загерялась в бумагахъ, какъ и моя, посланная вмѣстѣ съ книгою Н. Э. Федорова; но если потер мой статьи ничего важнаго не представляла бы, то потеря статьи Н. Э. Федорова будетъ невознаграждима. Самая отправка Л. Н-чу статьи, о которой имѣть рѣчь, была не легка. Статья хранилась у В. А. Кожевникова; лѣтомъ онъ жилъ на дачѣ близъ Ялты, а всѣ бумаги его хранятся въ Москвѣ и Коваловъ, и В. А. Кожевниковъ нарочно ѣздилъ изъ Ялты въ Москву и Козловъ, чтобы найдти статью и доставить ее Толстому. Все это могло быть предпринято только при глубокой вѣрѣ въ способность пониманія и въ чувство справедливости Льва Николаевича.